

Наблюдавшие за поединком люди, услышав это, вытаращили глаза на прибор для проверки пилюль, охваченные изумлением.

— Позеленел! Он правда позеленел!

— Не думал, что этот парень Е Чэнь и впрямь принял пилюлю! Да он светится от нее!

— Он что, действительно проглотил лекарство?

По трибунам прокатился гул удивленных возгласов.

Высокопоставленные лица, сидевшие отдельно, тоже застыли в оцепенении: они не ожидали, что слова Линь Цинсянь окажутся правдой и Е Чэнь действительно прибег к запрещенному средству.

— Этот мальчишка обвел нас всех вокруг пальца, тайно приняв пилюлю. Кто бы мог подумать!

— Хм! Использовать пилюли во время дуэли в секте — какая наглость!

— Верно, Е Чэнь зашел слишком далеко!

Главы пиков и старейшины тоже не скрывали своего возмущения.

Цзян Э, глядя на ослепительно-зеленый свет, исходящий от прибора, почувствовала, как ее прекрасное лицо исказилось от боли, а в глазах отразилось полное неверие.

— Нет... это неправда... — прошептала она, дрожа всем телом.

Она не ожидала, что ее брат Е Чэнь снова преподнесет ей такой сюрприз. Использовать пилюли для жульничества во время поединка было строго запрещено правилами секты. Старейшина только что напоминал об этом, и Е Чэнь не мог не знать о запрете. Но почему он все равно это сделал? Неужели ее брат Е Чэнь настолько беспринципен в своем стремлении к победе?

Линь Цинсянь посмотрела на Е Чэня вниз и с улыбкой произнесла:

— Е Чэнь, ты ведь утверждал, что я тебя клеветую? Ну что, теперь ты по-прежнему так считаешь?

Е Чэня охватило безумие. Он никак не ожидал, что факт использования пилюли будет доказан настолько неопровержимо. Сейчас он был готов разорвать эту так называемую главу пика

Линь на куски.

А ведь все должно было быть иначе! По его замыслу, его ждал триумфальный, справедливый реванш, который поразил бы всех присутствующих и принес ему всеобщее признание. Вместо этого он оказался в центре позора, а его репутация была уничтожена.

Как же он ненавидел ее! Но признаться в жульничестве он не мог — последствий он боялся больше всего.

— Прибор неисправен! Он сломался! Тут точно что-то не так, — в панике начал оправдываться он.

Однако чем больше он оправдывался, тем более жалким клоуном выглядел в глазах окружающих.

Представитель Управления котлов, видя, что тот продолжает юлить и сваливать вину на прибор — что фактически означало обвинение в порче имущества секты, — решил действовать. Он велел Е Чэню капнуть кровью на прибор прямо на глазах у всех. Зеленое свечение мгновенно исчезло. Но на этом все не закончилось: прямо при свидетелях он достал дешевую пилюлю, изготовленную учеником, проглотил ее, очистил энергию и снова капнул кровью.

Прибор для проверки пилюль вновь вспыхнул ярко-зеленым светом.

— Хм! Что ты теперь скажешь? — потребовал ответа человек из Управления котлов.

— Это... — Е Чэнь, даже при всем желании выкрутиться, не нашел слов. Доказательства были железными.

— Прекрасно! Ах ты, Е Чэнь! Ты посмел открыто нарушить правила секты, ни во что их не ставя! Ты тайно использовал пилюли в поединке со старшим братом, пытаешься победить бесчестными методами, а после не выказал ни капли раскаяния! Такой бессовестный негодяй... — Лю Жуянь гневно шагнула вперед. — Старейшина Су Лин из отдела правопорядка, прошу, казни его!

Эти слова напугали Е Чэня до смерти, он задрожал, как осиновый лист. Он всего лишь принял пилюлю, неужели за это полагается казнь? Это было слишком жестоко!

— Я нарушил правила, но разве это преступление, заслуживающее смерти? — поспешно воскликнул он.

Даже Линь Цинсянь не ожидала, что Лю Жуянь окажется настолько беспощадной. Как и сказал Е Чэнь, хотя использование пилюль — поступок постыдный, но он никого не убил, и по правилам секты до смертной казни дело доходить не должно было.

Что тут скажешь: великая императрица Жуянь, поистине ужасающая личность! Злодейка, оправдывающая свою репутацию.

— Ты уже сейчас настолько морально разложился, кто знает, каких бед ты натворишь в будущем! Убить тебя сейчас — значит защитить тех, кто мог бы пострадать от твоих рук! Ты должен умереть! — отрезала Лю Жуянь.

Е Чэнь, услышав это, подумал, что встретился с самым живым ямой. Его ненависть к главе пика Линь даже немного поутихла, а на первое место в списке врагов, заслуживающих смерти, он поставил старейшину Лю.

— Глава пика Лю, не стоит. Согласно правилам секты, преступление Е Чэня не карается смертью. Даже будучи главой пика, вы не можете нарушать устав! — в этот момент подал голос молчавший до сих пор глава пика Пустоты Чэнь Жуй.

Линь Цинсянь, услышав Чэнь Жуя, облегченно выдохнула. Хотя она очень хотела прикончить Е Чэня, сейчас был неподходящий момент — это заставило бы Цзян Э вмешаться силой. А если их с Е Чэнем прижать к стенке, он мог бы окончательно охмурить девушку, что сильно усложнило бы задачу.

Но то, что заговорил именно Чэнь Жуй...

Линь Цинсянь пристально посмотрела на него, моргнув. Она помнила, что именно этот человек был пешкой демонического клана, внедренной в секту Тяньдао. В оригинальной истории именно он с помощью знамени призыва душ вернул ее, убитую Цзян Э, к жизни, заставив работать на демонов и устранять талантливых учеников секты. Она не ожидала, что из-за ее действий он вступится за Е Чэня.

Другой глава пика, находящийся под контролем Чэнь Жуя, Гао Итянь с пика Верховного, также подал голос:

— Верно! Глава пика Лю, даже если Е Чэнь виновен, это не повод для смертной казни. Нельзя злоупотреблять правом на убийство!

После слов этих двоих Лю Жуянь не могла больше настаивать. Она понимала, что права. Как бы сильно она ни хотела избавиться от Е Чэня, она не могла открыто нарушить правила секты на глазах у стольких людей.

— Хм! Тогда тридцать ударов громовым кнутом, — бросила Лю Жуянь и села на свое место.

Против этого наказания никто не возразил. Представители Управления котлов отпустили Е Чэня. Тот стоял бледный как полотно: тридцать ударов громовым кнутом не убьют его, но приятного будет мало. От ужаса у него подкосились ноги.

— Подождите немного! — раздался голос Цао Ганху, молчавшего долгое время.

Все удивленно посмотрели на него, а он продолжил:

— Дуэль еще не окончена. Прошу старейшин отдела правопорядка привести приговор в исполнение после завершения поединка.

Су Лин посмотрела на Цао Ганху и молча кивнула, соглашаясь с его доводами.

Не успел Е Чэнь что-либо ответить, как Цао Ганху, подобно разъяренному тигру, бросился на него, обрушивая град безжалостных ударов.

Эффект пилюли к этому моменту уже прошел. Потеряв магическую силу, Е Чэнь перестал быть ровней Цао Ганху, а из-за того, что его моральное состояние было подавлено, он не мог использовать даже остатки своей реальной силы. С самого начала он только и делал, что истошно кричал.

Не стоит винить Цао Ганху в чрезмерной жестокости: если бы не Линь Цинсянь, разоблачившая жульничество противника, он сам мог бы проиграть в этом нечестном поединке и быть растоптанным на глазах у всей толпы.

— А-а-а!

— А... как ты посмел...

— Мне... больно!

Крики Е Чэня вызывали содрогание у всех слушателей. В конце концов, Цао Ганху избил его до неузнаваемости, поднял над головой и выбросил за пределы арены.

— Хм! Сражаться с таким подлым ничтожеством, как ты, — только руки марать! Проваливай!

Сказав это, он, не оглядываясь, покинул арену.

Е Чэнь лежал на земле, изо рта его текла кровь, волосы спутались, смешавшись с пылью и грязью. Он выглядел как жалкий нищий, на которого все смотрели с нескрываемым презрением. Его сердце пронзила невыносимая боль, будто тысячи стрел вонзились в него разом.

Он — избранный судьбой, тот, кто должен был смотреть на всех свысока, — оказался в таком унижительном положении! Он не мог этого принять! Но размышлять об этом было некогда,

потому что приближалось нечто гораздо более страшное.

— Тридцать ударов громовым кнутом!

— Начать!

<http://bllate.org/book/18842/1836122>